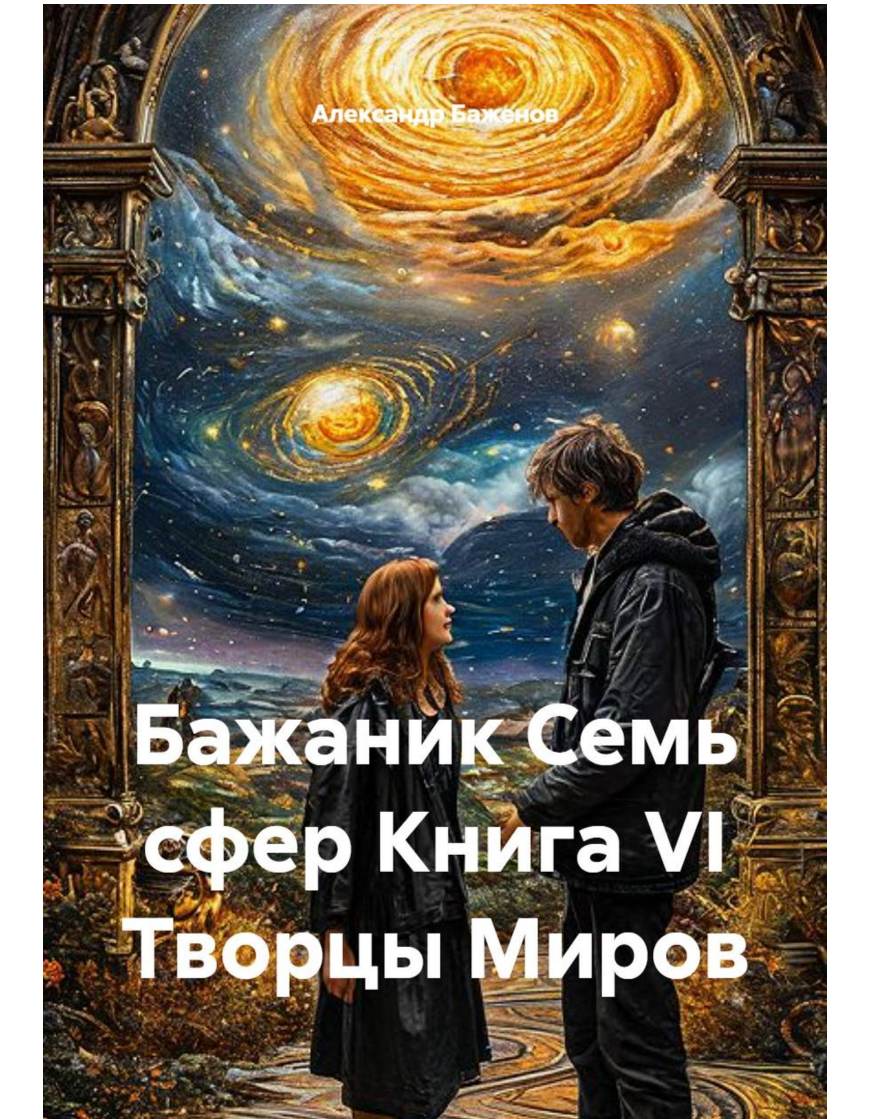

Александр Баженов

**Бажаник Семь
сфер Книга VI
Творцы Миров**

Александр Баженов

Бажаник Семь сфер

Книга VI Творцы Миров

<https://litres.ru/74090033>

SelfPub; 2026

Аннотация

Артём и Алиса, пройдя через битвы с силами тьмы, микромира и ноосферы, открывают новую грань реальности — Галерею Вечности, где собраны величайшие произведения искусства всех миров и эпох. Здесь полотна Леонардо да Винчи дышат, скульптуры Микеланджело хранят тепло рук мастера, а строки Пушкина звучат сквозь столетия.

Герои не просто созерцают шедевры — они проникают в тайны их создания, видят, как рождалась «Джоконда» под сорока слоями краски, как Ван Гог превращал боль в сияющие звёзды, как Кандинский слышал цвета, а Дали говорил с подсознанием.

Вскоре герои узнают о существовании Эйдонов — волшебных существ из параллельного мира, которые веками похищали суть гениальных творений, оставляя людям лишь пустые оболочки. Теперь Эйдоны возвращают похищенное и приносят суть произведений, которые будут созданы лишь в будущем. Эта книга — ода искусству и любви, о тайне творчества и силе вдохновения,

о том, что каждый создающий красоту становится сотворцом вечности.

Содержание

Оглавление	5
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Александр Баженов

Бажаник Семь сфер

Книга VI Творцы Миров

Оглавление

Глава 1. Галерея Вечности Артём и Алиса получают приглашение от Чхаи посетить Галерею Вечности в Наб-ха-локе — место, где собраны величайшие произведения искусства со всех миров и эпох. Восхищение «Джокондой» Леонардо да Винчи, секреты сфумато. Встреча с живыми полотнами. Цитаты Дега, Милоша, Достоевского, Леонардо.

Глава 2. Дыхание гениев Алиса переживает творческий кризис после посещения Галереи. Второй визит: тайна «Пьеты» Микеланджело, «Звёздной ночи» Ван Гога, поэзии Пушкина. Алиса создаёт свою первую картину, достойную Галереи. Эринии пробуют творить. Архитектор и Маара создают совместное полотно. Цитаты Гёте, Цветаевой, Чайковского, Сент-Экзюпери.

Глава 3. Полотна грядущего Исследование современного и будущего искусства: импрессионисты, Кандинский, Малевич, Дали. Зал Будущего: био-арт, хроно-арт, люкс-арт. Алиса создаёт картину, сочетающую все эпохи. Такшака вы-

секает из мрамора танцующего Нага. Эринии пишут триптих преобразования. Архитектор и Маара создают сон-оберег. Цитаты Гомбриха, Брехта, Пикассо, Кандинского.

Глава 4. Похитители красоты Обнаружение параллельного мира Эйдонов — существ, которые веками похищали суть великих произведений искусства. Первая встреча с Эйдоном по имени Хрома. Осознание масштаба похищений: «Афродита Книдская», стихи Сапфо, «Медуза» Леонардо. Эйдоны учатся творить. Цитаты Канта, Ротко, Милоша.

Глава 5. Возвращённый свет Эйдоны возвращают похищенные произведения и приносят суть будущих шедевров. Картина «Звёздный сад» художницы Элины из двадцать второго века — изображение Артёма и Алисы. Возвращение поэзии в ноосферу. Создание совместного талисмана — двух камней под дубом. Цитаты Стравинского, Шопенгауэра, Тейяра де Шардена.

Послесловие Об искусстве как форме любви. О творчестве как способе делиться светом. О том, что каждый человек — творец своей жизни. Цитаты Гиппократы, Ван Гога. Свет, который мы отдаём, не гаснет — он умножается.

Глава 1. Галерея Вечности

Золотая осень в яблоневоm саду была похожа на живописное полотно, написанное рукой неведомого мастера. Кроны деревьев пылали всеми оттенками охры, багрянца и янта-

ря, а падающие листья кружились в воздухе, как мазки кисти, которую окунули сразу во все краски мира. Алиса стояла у мольберта, но сегодня не рисовала — просто смотрела на сад, прищурившись, словно пыталась разгадать какую-то тайну, скрытую в переплетении ветвей.

— О чём думаешь? — спросил я, выходя на крыльцо с двумя чашками чая.

— О том, как странно устроено искусство, — ответила она, беря чашку. — Мы смотрим на мир — и видим деревья, небо, траву. А художник смотрит на то же самое — и видит свет, тень, композицию, ритм. Он не просто видит — он преображает. Берёт обычное и делает его вечным.

— Как ты.

— Я — только учусь. — Она улыбнулась и пригубила чай. — Но я часто думаю о великих. О тех, кто создал шедевры, пережившие века. Что они чувствовали, когда клали последний мазок? Когда понимали: вот оно, то самое, что останется после них?

— Наверное, то же, что чувствуем мы после каждой битвы. Облегчение. И лёгкую грусть.

— Почему грусть?

— Потому что творение завершено. А процесс творения — это и есть жизнь.

«Искусство — это не то, что вы видите, а то, что вы заставляете увидеть других», — писал французский скульптор Эдгар Дега. В этих словах скрыта глубокая истина: художник

не просто копирует реальность — он открывает в ней новые измерения. Он показывает нам мир таким, каким мы его никогда не видели, но каким он, оказывается, был всегда.

«Творчество — это загадка, которую художник задаёт самому себе, — писал польский поэт Чеслав Милош. — И ответ на неё — это само произведение». Каждый великий портрет, каждый пронзительный пейзаж, каждая скульптура, застывшая в мраморе, — это ответ. Ответ на вопрос, который мы, зрители, даже не осмелились сформулировать.

«Красота спасёт мир», — сказал Достоевский устами князя Мышкина. Но как? Как красота может спасти мир? Ответ прост: красота пробуждает любовь. А любовь — это и есть спасение.

Этим вечером в саду появился неожиданный гость.

Из воздуха, прямо над дубом, соткалась знакомая арка — Врата Дэвов, которые мы впервые увидели, когда Адитьи пригласили нас в Набха-локу. Но на этот раз из арки вышел не Савитар, не Ушас и не Митра. Из арки вышла Чхая — Хранительница Теней, чьё многоликое лицо, сотканное из тысяч других лиц, улыбалось загадочной улыбкой.

— Чхая! — воскликнула Алиса, отставляя чашку. — Какими судьбами?

— Я пришла с приглашением, — ответила она своим многоголосым шёпотом. — В Набха-локе открылась Галерея Вечности. Вы слышали о ней?

— Нет, — признался я. — А что это?

— Это место, где собраны величайшие произведения искусства со всех миров. Не только с Земли — со всех обитаемых планет, из всех измерений, из всех эпох. Там есть картины, которые рисовали ангелы. Скульптуры, которые ваяли элементали. Поэмы, которые сочиняли звёзды. И всё это — не просто копии. Это живые оригиналы, перенесённые туда силой Абсолюта.

— Зачем? — спросила Алиса, и в её серых глазах загорелся тот особый огонёк, который появлялся только тогда, когда речь заходила об искусстве.

— Чтобы вдохновлять, — ответила Чхая. — Чтобы напоминать всем существам во вселенной о том, что красота — это не роскошь. Это необходимость. Это то, ради чего стоит жить. И сражаться.

— И ты приглашаешь нас туда? — спросил я.

— Да. И не только вас. — Она обвела взглядом сад, где уже собирались наши друзья: Такшака, Адитья, Синга, а также Архитектор, Маара и три Эринии — София, Элеос и Элпис, которые после своего преобразования стали частыми гостями. — Вы все приглашены. Галерея Вечности открыта для всех, кто умеет видеть сердцем.

Мы собирались под дубом, и каждый готовился по-своему. Такшака облачился в свой лучший плащ из лунного шёлка — тот самый, который светился в темноте и ослеплял врагов. Адитья начистил сапфировый нагрудник до зеркального блеска. Синга, как всегда, лёг у ног Алисы и тихо заурчал —

он не понимал, что такое Галерея, но чувствовал наше волнение. Архитектор и Маара держались за руки — их союз, рождённый из тьмы и света, был сам по себе произведением искусства. Эринии — София, Элеос и Элпис — стояли чуть поодаль, всё ещё чувствуя себя гостями.

Алиса надела своё лучшее платье из лунного шёлка, то самое, что подарила ей Тара. Оно мерцало в сумерках, и золотой огонёк Адити на её груди пульсировал ровно. Она выглядела как произведение искусства сама по себе: тонкие черты лица, родинка на левой скуле, серые глаза, в которых сейчас, в предвкушении чуда, плясали янтарные искры.

— Ты прекрасна, — сказал я.

— Это не я, — ответила она. — Это платье.

— Это ты. Платье только обрамляет.

Она улыбнулась и взяла меня за руку.

— Тогда пошли. Посмотрим на то, что создали гении.

Галерея Вечности находилась в Набха-локе, но не в той её части, которую мы знали. Чхая провела нас через Врата, и мы оказались в пространстве, которое невозможно описать словами — его можно только почувствовать.

Представьте себе бесконечный зал, стены которого сотканы из самого света. Но этот свет не слепит — он мягко пульсирует, подстраиваясь под каждое произведение, подчёркивая его достоинства, скрывая недостатки. Пол под ногами — не пол, а облака, сгустившиеся до твёрдости. Потолка нет — вместо него открытый космос, в котором медленно вра-

щаются галактики, и их спиральные рукава отбрасывают на произведения искусства разноцветные блики.

В этом зале, насколько хватало глаз, стояли картины, скульптуры, инсталляции. Они не были расставлены по эпохам или стилям — они были расположены так, чтобы создавать диалог. Рядом с древнеегипетским барельефом висела картина Ван Гога. Напротив мраморной статуи Праксителя стояла абстрактная композиция неизвестного элемента. Бюст Нефертити смотрел на «Чёрный квадрат» Малевича — и в этом соседстве не было противоречия. Была гармония.

— Здесь собрано всё, — прошептала Чхая. — От наскальных рисунков в пещере Ласко до полотен, которые ещё не написаны. От шумерских глиняных табличек до поэм, которые будут созданы через тысячу лет. Время в Галерее Вечности не линейно. Здесь прошлое, настоящее и будущее существуют одновременно.

— Как в Акаша-грантхе, — сказал я, вспоминая Книгу Эфира, которую хранил Варуна.

— Да. Но Акаша-грантха записывает события. А Галерея Вечности хранит красоту.

Алиса остановилась перед картиной, которую я сразу узнал. Это была «Джоконда» Леонардо да Винчи. Но не та, что висит в Лувре за пуленепробиваемым стеклом. Эта «Джоконда» была живой.

Краски на полотне дышали. Улыбка Моны Лизы — та са-

мая, которую веками пытались разгадать искусствоведы, — здесь не была загадкой. Она была приглашением. Она говорила: «Я знаю что-то, что знаешь и ты. Просто ты ещё не осознал этого». Алиса стояла перед ней, замерев, и её собственная улыбка — та, что начиналась в уголках губ и медленно разливалась по лицу, — была удивительно похожа на улыбку Джоконды.

— Что ты видишь? — спросил я шёпотом.

— Она знала, — ответила Алиса. — Леонардо да Винчи знал о семи сферах. Он знал о Первом Луче. Он знал о том, что искусство — это не просто ремесло, а способ передать свет. Посмотри на её глаза. Они не просто смотрят — они излучают.

Я посмотрел. И действительно: в глазах Моны Лизы, написанных пятьсот лет назад, пульсировал тот самый свет, который мы видели в глазах Адитьев. Свет знания. Свет любви. Свет вечности.

«Живопись — это немая поэзия, а поэзия — говорящая живопись», — писал Леонардо. Но здесь, в Галерее Вечности, живопись переставала быть немой. Она говорила. Она пела. Она рассказывала истории.

Мы бродили по Галерее несколько часов — или, может быть, дней. Время здесь действительно текло иначе.

Такшака застыл перед скульптурой неизвестного мастера — это был танцующий Шива, Натараджа, окружённый кольцом огня. Бронзовая фигура, застывшая в движении, каза-

лось, дышала. Каждая рука, каждая нога, каждый палец были наполнены энергией. Такшака, который видел этого Шиву в оригинале тысячи лет назад — не в бронзе, а во плоти, — молчал. Но его молчание было красноречивее слов.

— Он был таким, — прошептал он наконец. — Именно таким. Мастер, создавший эту статую, видел его. Не глазами — сердцем. И он передал это видение в бронзе.

— Как ты думаешь, что чувствовал скульптор, когда работал? — спросила Алиса.

— Он не работал, — ответил Такшака. — Он молился. Каждое движение резца было мантрой. Каждая линия — поклонением. Он не создавал Шиву — он открывал его в куске металла. Как Микеланджело говорил: «Я не создаю статую — я освобождаю её из камня».

«Скульптура — это искусство убирать лишнее», — писал Микеланджело Буонарроти. И действительно: в мраморной глыбе уже заключена будущая статуя. Задача скульптора — не создать, а освободить. Убрать всё лишнее, чтобы проступило главное.

То же самое происходит и с душой. Мы не создаём себя заново — мы освобождаем себя от наслоений. От страхов, обид, иллюзий. И когда последний осколок лишнего падает с души, мы видим себя — настоящих. Такими, какими нас задумал Бог. Или Вселенная. Или Абсолют.

«Искусство — это ложь, которая делает нас способными осознать правду», — писал Пабло Пикассо. Но я бы уточнил:

искусство — это не ложь. Искусство — это правда, облечённая в форму. Правда, которую легче воспринять через образ, чем через слова.

Адитья застыл перед полотном, на котором был изображён полёт. Не птицы — человека. Человек с крыльями, расправленными навстречу солнцу, парил над землёй, и в его лице не было страха. Только восторг.

— Это Икар? — спросил Адитья.

— Нет, — ответила Чхая. — Это «Мечта о полёте» кисти неизвестного художника с планеты, которая погибла миллион лет назад. Он никогда не видел Гаруд — ваша раса, Адитья, ещё не существовала в то время. Но он мечтал о крыльях. И его мечта была так сильна, что материализовалась в красках.

— Красиво, — прошептал Адитья. — Он никогда не летал. Но он знал, каково это — лететь.

— Потому что искусство — это и есть полёт, — сказала Алиса. — Когда ты рисуешь, ты летишь. Когда ты пишешь стихи, ты летишь. Когда ты создаёшь музыку, ты летишь. Не телом — душой.

— «Искусство — это крылья, которые отращивает душа», — процитировал Архитектор.

— Кто это сказал? — спросила Маара.

— Не знаю. Может быть, никто. Может быть, это сказала сама Галерея Вечности. Здесь слова рождаются сами собой.

Эринии — бывшие богини мести, а теперь ученицы про-

щения — стояли перед триптихом. Триптих был странным: на первой панели была изображена тьма, из которой рождались чудовища. На второй — битва, хаос, кровь. На третьей — свет, который пробивался сквозь тьму и преображал чудовищ в ангелов.

— Это про нас, — прошептала София, бывшая Алекто.

— Да, — подтвердила Элеос, бывшая Мегера. — Это про каждого, кто прошёл через тьму и вышел к свету.

— А кто это написал? — спросила Элпис, бывшая Тисифона.

Чхая подошла ближе и всмотрелась в подпись.

— Это не подпись, — сказала она. — Это отпечаток пальца. Художник, создавший этот триптих, был слеп. Он не видел красок. Он чувствовал их.

— Как это возможно? — изумилась Алиса. — Как можно писать картины, не видя?

— Так же, как можно любить, не видя, — ответила Чхая. — Сердцем.

В центре Галереи, там, где пересекались все линии, ведущие от картин, скульптур и инсталляций, стоял пьедестал. На пьедестале лежала книга.

Она была открыта, и её страницы, казалось, перелистывал невидимый ветер. На каждой странице были строки — на разных языках, из разных эпох, разных миров. Я подошёл ближе и прочитал одну из них:

«Скажи мне — и я забуду. Покажи мне — и я запомню.

Позволь мне сделать — и я пойму».

— Конфуций, — узнала Алиса. — Но почему его слова здесь, среди картин и скульптур?

— Потому что поэзия — это тоже искусство, — ответила Чхая. — Слово может быть таким же мощным, как краска. Таким же точным, как резец скульптора. Таким же выразительным, как мелодия.

— «Слово — это дело», — процитировал я, вспоминая бабушкину поговорку.

— Да, — согласилась Чхая. — И в этой книге собраны слова, которые изменили миры. Посмотри.

Она перевернула несколько страниц, и мы увидели:

«Я знаю только то, что ничего не знаю». — Сократ.

«Мыслью — следовательно, существую». — Декарт.

«Быть или не быть — вот в чём вопрос». — Шекспир.

«Я памятник себе воздвиг нерукотворный». — Пушкин.

«Ночь, улица, фонарь, аптека». — Блок.

«Не позволяй душе лениться». — Заболоцкий.

Каждая строка была не просто написана — она сияла. Светилась изнутри, как светится всё в Галерее Вечности. Потому что каждая из этих строк была не просто словами. Каждая была поступком. Прорывом. Откровением.

«В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог», — сказано в Евангелии от Иоанна. Слово — это не просто набор звуков или букв. Слово — это творящая сила. Когда поэт пишет стихотворение, он создаёт новую реаль-

ность. Когда философ формулирует идею, он меняет сознание миллионов. Когда любящий говорит «я тебя люблю», он меняет судьбу.

«Словом можно убить, словом можно спасти, словом можно полки за собой повести», — писал поэт Вадим Шенер. Слово — это оружие. Но оно же и лекарство. Всё зависит от того, кто его произносит и с каким намерением.

В Галерее Вечности были собраны слова, которые спасали. Которые пробуждали. Которые дарили надежду. И я чувствовал, как каждое прочитанное слово отзывается в моём сердце. Словно кто-то невидимый перебирал струны моей души, извлекая из неё мелодию.

— Здесь есть и ваши слова, — сказала Чхая, указывая на последние страницы книги.

Я наклонился и прочитал. Это были строки, которые мы с Алисой никогда не записывали. Но они были здесь — потому что мы их прожили.

«Свет внутри тебя — это не просто сила. Это здоровье твоё и тех, кого ты любишь».

«Любовь — это не чувство. Это действие».

«Мы — двое, но одно».

— Это... наши слова? — прошептала Алиса.

— Да, — ответила Чхая. — Слова, которые вы не говорили, но которыми вы жили. Галерея Вечности хранит не только произведения искусства. Она хранит суть. Суть каждого, кто хоть раз в жизни создал что-то прекрасное. А вы создали

любовь. И это — величайшее из искусств.

Мы покидали Галерею Вечности, когда галактики на полтолке начали менять цвет — с серебристого на золотой. Закат в космосе. Или рассвет. Здесь невозможно было отличить одно от другого.

Алиса шла рядом со мной, и её лицо, освещённое золотистым светом умирающих — или рождающихся — звёзд, было задумчивым. Родинка на левой скуле темнела, как всегда в минуты глубоких размышлений. Золотой огонёк Адити на её груди пульсировал ровно.

— О чём ты думаешь? — спросил я.

— О том, что искусство и магия — это одно и то же. И то, и другое — способ преобразовать реальность. Художник берёт краски и создаёт мир. Маг берёт энергию и создаёт защиту. Поэт берёт слова и создаёт смысл. Разные инструменты — одна суть.

— Творчество, — сказал я.

— Да. Творчество. Может быть, это и есть наша следующая сфера? Не эзотерическая — внутренняя. Сфера творчества. Мы сражались, мы защищали, мы любили. Теперь пришло время создавать.

— Мы уже создаём, — ответил я. — Мы создали Стражей. Мы создали семью. Мы создали свет.

— Тогда будем создавать дальше, — улыбнулась она. — Вместе.

«Творчество — это заразно. Распространяйте его», — пи-

сал Альберт Эйнштейн. В эту ночь, под золотым светом галактик, мы решили последовать его совету.

Мы вернулись в сад на рассвете. Яблони стояли в утреннем тумане, и падающие листья кружились в воздухе, как мазки невидимой кисти. Алиса подошла к мольберту, который так и остался стоять под дубом, и взяла кисть.

— Что будешь рисовать? — спросил я.

— Галерею Вечности. Но не так, как она выглядит. А так, как она чувствуется. Свет, который льётся с картин. Тишину, которая звучит громче слов. Вечность, которая длится мгновение.

— Это будет шедевр.

— Это будет попытка, — поправила она. — Как и всё, что мы делаем. Попытка передать свет. И если хоть один человек, глядя на эту картину, почувствует хоть каплю того, что чувствовали мы, — значит, мы не зря прожили эту жизнь.

Она обмакнула кисть в краску — золотую, с лёгким отливом, похожую на свет далёких галактик, — и сделала первый мазок.

«Искусствоечно, жизнь коротка», — говорил Гиппократ. Но я бы поправил: жизнь становится вечной, когда она вложена в искусство. Потому что каждый мазок кисти, каждая строка стихотворения, каждая нота мелодии — это застывшее время. Это мгновение, которое переживёт своего создателя. Это свет, который не погаснет.

«Творчество — это попытка заглянуть в вечность», — пи-

сал философ Николай Бердяев. И каждый художник, каждый поэт, каждый скульптор, беря в руки свой инструмент, пытается заглянуть за грань. Увидеть то, что скрыто. И показать это нам.

Мы видели Галерею Вечности. Мы видели произведения, которые пережили свои миры. И мы поняли: творчество — это не роскошь. Это необходимость. Это то, ради чего стоит жить. И сражаться. И любить.

— Артём, — позвала Алиса, не оборачиваясь.

— Да?

— Спасибо тебе.

— За что?

— За то, что ты рядом. За то, что мы вместе. За то, что мы можем видеть такую красоту — и делиться ею.

— Это тебе спасибо, — ответил я. — Ты — мой свет. А свет и есть красота.

Она улыбнулась и продолжила рисовать. А я сидел на крыльце, смотрел на неё и думал, что искусство — это не только картины, скульптуры и стихи. Искусство — это жизнь, прожитая с любовью. И в этом смысле каждый из нас — художник. Каждый день мы кладём мазки на холст судьбы. И только от нас зависит, станет ли наша жизнь шедевром.

Глава 2. Дыхание гениев

Неделя после первого посещения Галереи Вечности

Октябрьский дождь барабанил по крыше, и его монотон-

ный ритм был похож на метроном, отсчитывающий мгновения вечности. Алиса сидела у окна с альбомом на коленях, но не рисовала — она смотрела на струи воды, стекающие по стеклу, и в её глазах отражались серые облака.

— Ты уже неделю не берёшь кисть в руки, — сказал я, присаживаясь рядом. — Что-то случилось?

— Ничего. И в этом всё дело. — Она повернулась ко мне, и я увидел в её серых глазах растерянность — редкую гостью на этом лице. — Понимаешь, после Галереи Вечности я смотрю на свои рисунки и вижу... пустоту. Они кажутся мне плоскими. Безжизненными. Как будто я пыталась передать свет, а получилась только тень.

— Это нормально. После встречи с великим всегда чувствуешь себя маленьким.

— Дело не в величии. Дело в тайне. Я поняла, что ничего не знаю о том, как создаются шедевры. Как Ван Гог добивался такого свечения красок? Как Микеланджело видел в камне будущую статую? Как Пушкин находил слова, которые через двести лет всё ещё заставляют сердце биться чаще? Я хочу понять. Не скопировать — понять.

— Тогда нам нужно вернуться в Галерею, — сказал я. — И не просто смотреть. Спрашивать.

— У кого? Картины не говорят.

— В Галерее Вечности говорят. Помнишь? Там всё живое. «Искусство — это не ремесло, которому можно научиться, — писал Иоганн Вольфганг Гёте. — Искусство — это от-

кровение, которое можно только принять». Но как принять откровение? Как открыть себя настолько, чтобы в тебя влился свет — и превратился в краски, в слова, в формы?

«Тайна творчества — это тайна любви, — писала Марина Цветаева. — Ты не можешь создать что-то прекрасное, если не любишь то, что создаёшь. Если не любишь тех, для кого создаёшь. Если не любишь сам процесс создания». Но одной любви мало. Нужно ещё знание. Знание ремесла. Знание техники. Знание тайных приёмов, которые мастера передавали из поколения в поколение.

«Вдохновение — это гость, который не любит посещать ленивых», — говорил Пётр Ильич Чайковский. Вдохновение приходит к тем, кто работает. Кто каждый день, независимо от настроения, садится за мольберт, за письменный стол, за гончарный круг. И ждёт. И верит. И любит.

На этот раз в Галерею Вечности мы отправились не одни. Чхая снова открыла Врата, и вместе с нами пошли Такшака, чья мудрость помогала видеть скрытое; Адитья, чей взгляд Гаруды проникал сквозь иллюзии; Архитектор и Мара, которые сами были творцами снов и понимали природу творчества как никто другой; и три Эринии — София, Элеос и Элпис, — которые только начинали свой путь от разрушения к созиданию и хотели научиться создавать, а не уничтожать.

Синга остался в саду — он не любил Галерею. Говорил, что там слишком много чужих мыслей, и они мешают ему

слышать наши.

Галерея встретила нас тишиной. Но это была не пустая тишина — это была тишина, наполненная дыханием. Каждое полотно, каждая скульптура, каждая строка в Книге Вечности дышали. Ждали. Готовились говорить.

— С чего начнём? — спросила Алиса.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.